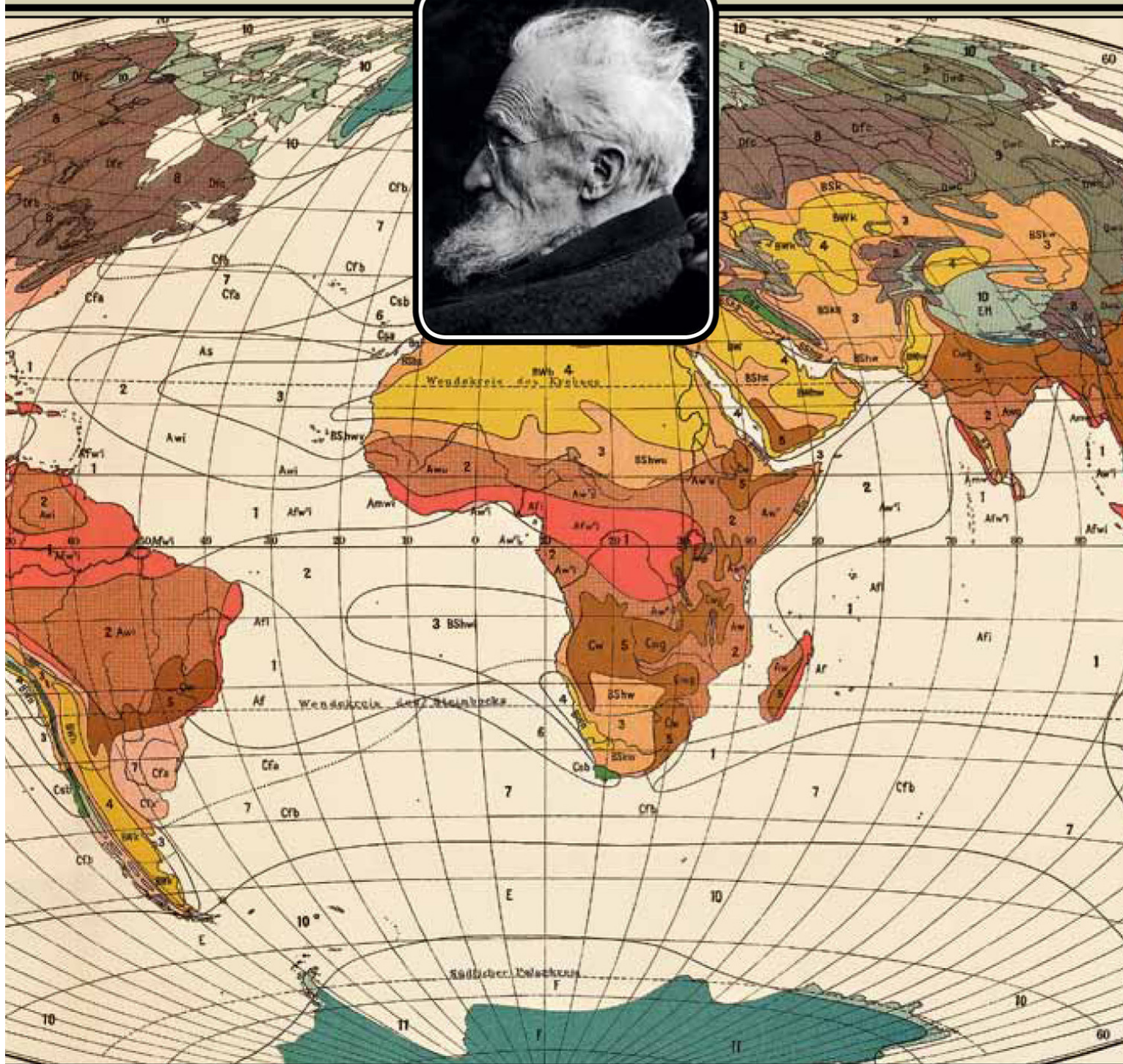
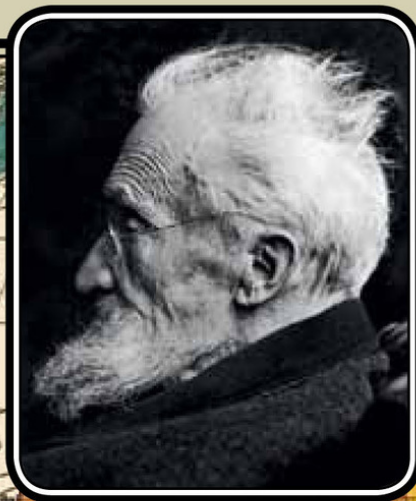

ЭЛЬЗА ВЕГЕНЕР-КЁППЕН

Владимир Кёппен

УЧЕНЫЙ, ПОСВЯТИВШИЙ ЖИЗНЬ
МЕТЕОРОЛОГИИ

Paulsen

Эльза Вегенер-Кёппен

**Владимир Кёппен. Ученый,
посвятивший жизнь метеорологии**

«Паулсен»

1955

УДК 82-929

ББК 84

Вегенер-Кёппен Э. В.

Владимир Кёппен. Ученый, посвятивший жизнь метеорологии /
Э. В. Вегенер-Кёппен — «Паулсен», 1955

ISBN 978-5-98797-203-8

Выдающийся ученый Владимир Петрович Кёппен внес большой вклад в развитие метеорологии. Его активная научная деятельность охватывает период с 1868-го по 1940 год. До последних дней своей долгой (93 года) жизни Владимир Петрович оставался деятельным и энергичным человеком. В. Кёппен разработал ряд новых направлений в развитии метеорологии, а также классификацию климатов земного шара, не потерявшую своего значения и в настоящее время. Ученого отличали выдающиеся способности исследователя-экспериментатора, феноменальное трудолюбие и универсальный подход к решению самых различных задач. Он был действительным членом Русского географического общества с 1872 года и его почетным членом с 1927 года. Представленная вниманию читателя книга включает две части: период жизни Кёппена до 1903 года, о котором он рассказал в своем дневнике, и более поздний период, описанный его дочерью и женой другого знаменитого метеоролога и климатолога Альфреда Вегенера Эльзой Вегенер-Кёппен.

УДК 82-929

ББК 84

ISBN 978-5-98797-203-8

© Вегенер-Кёппен Э. В., 1955

© Паулсен, 1955

Содержание

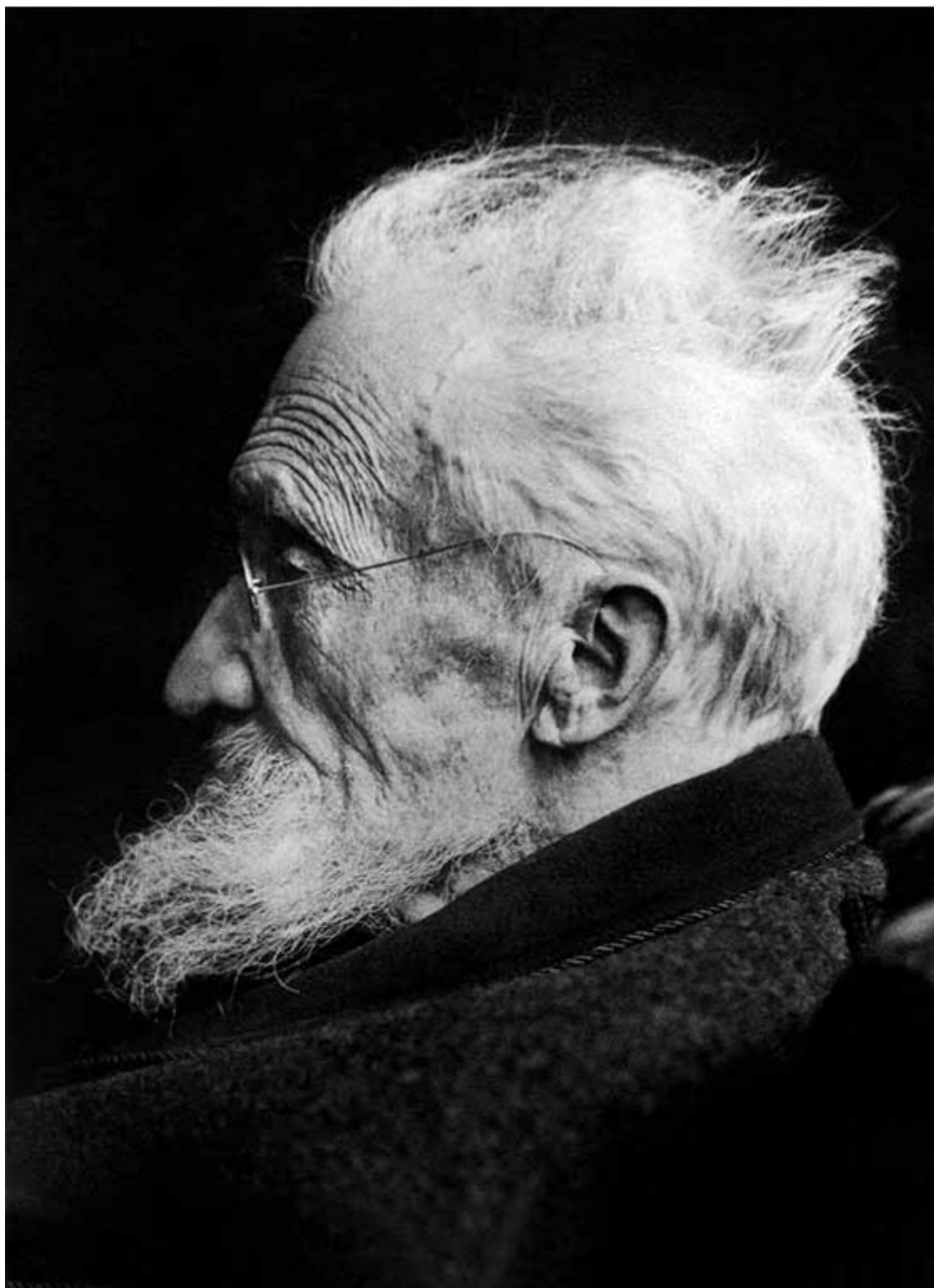
Предисловие к русскому изданию	8
Введение	10
Часть первая	14
Общие наблюдения восьмидесятипятилетнего	14
Мое происхождение и мое детство	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Эльза Вегенер-Кёппен
Владимир Кёппен. Ученый,
посвятивший жизнь метеорологии

© 1955 Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft, Stuttgart, Birkenwaldstrasse 44, 70191
Stuttgart, Germany

© Паулсен, 2018

* * *

Владимир Кёппен (1846–1940)

Предисловие к русскому изданию

Эта книга – перевод на русский язык биографии Владимира Кёппена, составленной на основе его личных заметок и дополненной его дочерью Эльзой Вегенер. Впервые книга была опубликована в 1955 году в Германии. Лаборатория Кёппена при Институте наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета, созданная при поддержке мегагранта Министерства науки и образования Российской Федерации, названа в его честь и призвана увековечить имя этого замечательного человека. Санкт-Петербург может быть назван российской Меккой наук о климате. Здесь работал Михаил Иванович Будыко (1920–2001) – один из самых авторитетных климатологов XX века, здесь трудились и продолжают трудиться в различных научных организациях города ученые – метеорологи, географы, палеоклиматологи.

Владимир Петрович Кёппен родился 25 сентября 1846 года в Санкт-Петербурге. Ученый происходил из семьи с немецкими корнями. Его дед, врач Иоганн Фридрих Кёппен, был приглашен в Российскую империю Екатериной Великой в 1786 году для оказания помощи в становлении медицинской службы. Став подданным Российской империи, он получил известность под именем Иван Иванович Кёппен. В 1811 году его семье было пожаловано дворянство. Сын Ивана Ивановича Пётр Иванович Кёппен – отец Владимира Петровича – стал известным археологом, географом и специалистом по статистике, был избран членом Российской Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. Как член академии, Пётр Кёппен получил квартиру для себя и своей семьи в «Доме академиков» в Санкт-Петербурге. В его академической квартире обсуждались идеи основания Русского географического общества – события, произошедшего 6 августа 1845 года. Позднее, с 1872-го по 1874 год, Владимир Кёппен был секретарем РГО.

Во время работы в Санкт-Петербурге Владимир Кёппен углубил свои знания в области метеорологии и климатологии, в частности, в вопросах глобального распределения климатических зон. Он работал в то время в лаборатории под руководством швейцарского метеоролога Генриха фон Вильда, члена Российской академии наук и президента Международной полярной комиссии. Именно при участии В. Кёппена и с учетом важных материалов, полученных исследовательской станцией на острове Сагастыр в дельте реки Лены, Россия внесла значительный научный вклад в Первый международный полярный год (1882–1883). Это случилось несколько лет спустя после переезда В. Кёппена в Гамбург; вне сомнения, именно он сыграл ключевую роль в установлении контактов между Георгом Ноймайером и Генрихом фон Вильдом, который был руководителем В. Кёппена в ранний период подготовки к Первому полярному году. Владимир Кёппен участвовал в международных конференциях метеорологов и вскоре обрел известность как в России, так и за рубежом. Его «открыл» Георг Ноймайер, основатель и директор *Deutsche Seewarte* в Гамбурге (более позднее название *DHI (Deutsches Hydrographisches Institut* – Немецкий гидрографический институт), ныне это *BSH (Bundesamt für Seeschifffahrt und Hydrographie* – Федеральная морская и гидрографическая служба)). Георг Ноймайер – выдающаяся фигура в европейской климатологии и полярных исследованиях – нуждался в квалифицированных ученых, он предложил Кёппену должность начальника департамента прикладной метеорологии в своем недавно основанном учреждении. Несмотря на молодость, Кёппен уже тогда достиг успехов в науке, и ему наверняка было лестно получить приглашение в зарубежный гидрографический институт, где он и проработал с 1876-го по 1919 год.

Возможно, и немецкие корни Кёппена сыграли свою роль, но, скорее всего, близость научных идей Ноймайера и Кёппена привела этих двух ученых к многолетней совместной работе. Им обоим вскоре стало ясно, что для метеослужб очень важно международное взаимодействие. Позднее Кёппена освободили от многочисленных административных обязанностей в пользу его научной деятельности; он продолжал работать в институте вплоть до выхода на

пенсию в 1919 году. На этом научном посту его сменил зять, близкий друг и коллега – ученый Альфред Вегенер.

Кёппен также играл важную роль в Немецком метеорологическом обществе, сменив Ноймайера после его выхода в отставку. Владимир Кёппен много трудился на службе в *Deutsche Seewarte* (1875–1945), относящейся сначала к прусскому, а потом к германскому военно-морскому флоту. Похвальное слово (*laudatio* на эсперанто) в адрес ученого было опубликовано коллегами по *Deutsche Seewarte* по случаю его 80-летия в 1926 году (*Deutsche Seewarte*, Гамбург, 1926). Любопытно, что Кёппен был сторонником языка эсперанто, он видел в нем средство международной коммуникации.

Из биографии Кёппена стало известно, что его общественная деятельность выходила далеко за рамки сугубо профессиональных обязанностей. Помимо своей основной работы в научном учреждении, он наладил контакт с недавно основанным Гамбургским университетом. Кёппен стал титулярным профессором в Гамбурге, а в 1926 году получил степень почетного доктора. Его главные научные достижения были связаны с глобальной классификацией климатов, базирующейся на математически обоснованном разделении основных климатических зон Земли.

Молодой Альфред Вегенер познакомился с Владимиром Кёппеном в начале XX века. Он приезжал к своему старшему коллеге в Гамбург за советом. Там он влюбился в одну из дочерей Кёппена, Эльзу, и вскоре двух ученых уже связывали не только научные интересы, но и семейное родство.

Альфред Вегенер стал профессором метеорологии и геофизики в Университете Граца (Австрия) в 1924 году. Тогда же обе семьи переехали из Гамбурга в Грац, где Вегенер с Кёппеном продолжили вести активную научную жизнь до самой смерти. (Вегенер умер в 1930 году, дожив только до 50 лет; Кёппен – в 1940 году в возрасте 93 лет.) Ранняя смерть Вегенера стала большим горем для семьи.

У Кёппена и Вегенера существовало зрелое научное партнерство, что ясно видно по их совместной книге «Климаты геологического прошлого» (*Köppen & Wegener*, 1924), которая привела обоих к тесному научному сотрудничеству с Милутином Миланковичем.

В этой книге Кёппен и Вегенер исследовали вариации земной орбиты вокруг Солнца и их влияние на кайнозойскую изменчивость климата (циклы Миланковича). Циклы Миланковича могут быть как реконструированы для прошлого, так и рассчитаны для будущего; некоторые ученые считают их важным инструментом для прогноза климатических изменений в будущем.

Всё это имеет высокую социально-экономическую значимость, поскольку развитое общество с его сложными технологиями действительно нуждается в основанных на научных данных «системах раннего предупреждения» о грядущих климатических изменениях и их экологических последствиях, с которыми мы можем столкнуться в будущем.

Мы выражаем признательность Фредерику Паулсену за его щедрость и спонсорскую поддержку издания этой книги на русском языке.

Йорн Тиде и Андрей Жиров,

Лаборатория Кёппена,

Институт наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета

Введение

*Будь человеком честным и достойным,
Будь волен сам, но и другим позволь,
Облегчи путь тернистый близким людям,
А сердце с разумом не запятай.*

В. Кёппен

Владимир Петрович Кёппен родился 25 сентября 1846 года, ушел из жизни 22 июня 1940 года. Он признан мировым научным сообществом одним из выдающихся ученых-метеорологов. За свою жизнь он написал множество научных трудов.

Кёппен обладал удивительной работоспособностью и умением сосредотачиваться на основных проблемах, постоянно ставя перед собой все новые и новые задачи в сфере своих научных интересов.

В. Кёппен обладал глубокими познаниями во всех областях метеорологии: общей и синоптической метеорологии, которую он начал изучать первым в Германии, морской метеорологии, аэрологии.

Наиболее ярко его талант исследователя проявился в климатологии, тесно связанной со всеми прочими разделами метеорологии.

Будучи ученым-универсалом, В. Кёппен постоянно стремился к системному подходу при изучении физики атмосферы и климата.

Новаторский подход и настойчивость, с которой В. Кёппен брался за решение научных задач в метеорологии, характеризует эпиграф к его статье в «Метеорологическом журнале» за 1914 год: *If you think it is vain, try and try and try again*¹.

В своей научной деятельности В. Кёппен уделял внимание изучению различных вопросов. В заметках по гидрографии и морской метеорологии 1920 года он писал:

Развитие научной мысли идет весьма запутанным путем, и часто очень сложно проследить ее возникновение и рост. Поэтому неудивительно, что исследователи, особенно молодые, часто приводят ошибочные данные. Тем не менее ценность результатов научной работы значительно возрастает, если мы узнаем о ее начале, и этот процесс сам по себе очень интересен, поэтому стоит время от времени обращаться к прошлому... В вопросах приоритетов сложно определиться; «Ступай, чудак, про гений свой трубя! Что б случилось с важностью твоей бахвальской, когда б ты знал: нет мысли мало-мальской, которой бы не знали до тебя!»² Конечно, новые мысли возникают, но они появляются настолько случайно, и в такой различной форме, и так мало поначалу привлекают внимания, что обычно развиваются в головах многих людей независимо друг от друга...

Ежегодно на протяжении более 70 лет, с 1868-го по 1940 год, из-под пера Кёппена выходили научные труды. До конца жизни он продолжал заниматься исследовательской деятельностью с публикацией в научных изданиях.

В. Кёппен обладал даром научного предвидения, и его труды определяли направление исследований в области метеорологии на много лет вперед.

¹ Если думаешь, что все напрасно, пытайся, пытайся и снова пытайся. (Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.)

² Цитата из «Фауста» И. В. Гёте. Пер. Б. Пастернака.

Отличительной особенностью научных работ В. Кёппена являлись ярко выраженное стремление к систематизации материалов исследований и тщательный учет мельчайших деталей при анализе больших массивов информации.

Объяснению должно предшествовать точное установление фактов; мы должны пытаться представить фактический материал как можно более наглядно и выделить из всей полноты отдельных деталей крупные черты общей картины, не искажая факты преждевременным обобщением (Мет. журн., 1929).

Методы работы В. Кёппена характеризуются широтой исследования рассматриваемых научных проблем и поиском причинно-следственных связей. Процессы формирования и изменения климата он рассматривал в планетарном масштабе. Его деятельность в Германской морской обсерватории, где объектом исследования был «целый мир», была особенно плодотворной. Его также интересовали проблемы палеоклиматологии, то есть истории изменения климата в далеком прошлом.

В. Кёппен, как и его коллега, известный австрийский метеоролог Юлиус фон Ганн в Вене, сознавал свою ответственность за дальнейшие пути развития метеорологии. Размышления и рекомендации В. Кёппена современникам, иногда достаточно резкие, нашли отражение в ряде его научных статей.

Ученого отличал комплексный подход к изучаемым проблемам. Например, в 1914 году он писал в «Метеорологическом журнале»:

Многие размышления, опубликованные за последние годы, уже 30–40 лет назад велись с таким же тяжелым трудом и, возможно, кажутся их авторам новыми только потому, что они уделили недостаточно внимания соответствующим фактам, из-за которых тогда рассмотрение этих вопросов было приостановлено. Существует мало оснований полагать, что возможно путем теоретических размышлений, без обнаружения новых важных фактов, прийти к новым объяснениям, которых мы все так хотим.

В период службы в морской обсерватории он активно поддерживал инициативы коллег и сотрудников для развития их интереса к изучению метеорологии и в шутку называл себя «рабочим со случайным заработком». По этому поводу он однажды написал:

Инициативы, обусловленные практическими потребностями, высоко ценятся в работе метеорологов. Для расширения наших знаний о природе первым необходимым шагом всегда является «постановка вопроса», и этот первый шаг во множестве случаев вызван практической необходимостью. Наука благодарна практике за это, но оставляет за собой право изучать дальнейшие вопросы, возникающие при достижении этой цели... Запросы и задачи, поступающие извне, – это очень важные и эффективные стимулирующие средства, даже если поначалу их воспринимают как помехи.

Кёппен неоднократно высказывался о проблеме организации научной деятельности в крупных институтах, заключающейся в противоречии между «рутинной работой» и собственно научными исследованиями, что он тяжело переживал.

В докладе на общем праздничном собрании по случаю 25-летия основания Германской морской обсерватории в Гамбурге в 1908 году он сказал следующее (Мет. журн., 1909).

Чтобы достичь нового этапа в метеорологии, нужно обработать огромное количество сохраненного материала глубже, чем делалось до этого. Нам нужно больше сотрудников, больше умов, причем таких, на которые не давит ежедневная рутинная работа. Метеорологическим институтам необходимо срочно устранить препятствие, заключающееся в распределении всех сил на

подобные постоянные работы, и предоставить ученым пространство для рассмотрения сменяющих друг друга научных вопросов. Только тогда станет возможным выполнение их задачи – развития науки.

Кёппен был верным и бескорыстным товарищем, прекрасным собеседником, поддерживающим и вдохновляющим коллег в личных беседах и общении.

После смерти в 1906 году своего единомышленника, метеоролога Адольфа Шпрунга (ассистент Кёппена с 1876-го по 1886 год), он писал в некрологе в «Метеорологическом журнале»:

В это время мне посчастливилось наладить со Шпрунгом прекрасные отношения – мы постоянно сотрудничали и дополняли друг друга; такое бывает лишь раз в жизни. Для нас обоих это было самое плодотворное время. Молодая наука, синоптическая метеорология, требовала теоретического обоснования накопившихся в ней ценных научных данных, и Шпрунг идеально подходил для этой работы, потому что при его великолепной математической подготовке почва фактов никогда не уходила у него из-под ног.

Все же он еще раз в полной мере испытал это счастье интенсивной, плодотворной, вдохновляющей совместной работы, когда в 1910 году начал активную переписку и обмен идеями со своим будущим зятем Альфредом Вегенером. Отношения стали еще ближе, когда Вегенеры в 1919 году переехали в дом Кёппена. Это была встреча двух единомышленников, которые соответствовали друг другу по своему интеллекту, человеческим качествам, доброте и отзывчивости.

Кёппен перешел в метеорологию из биологии. Его склонность к биологии впоследствии проявлялась в работах по климатологии, где он увязывал результаты метеорологических исследований с живой природой и человеком. Его научные интересы распространялись за пределы метеорологии. Он занимался вопросами философии, истории и опубликовал по ним ряд работ.

В течение 44 лет Кёппен вел необычайно плодотворную деятельность в Германской морской обсерватории в Гамбурге. Оставив свой пост в 1919 году, он после этого еще более 20 лет занимался научной деятельностью. Его жизнь была чрезвычайно насыщена творческими идеями и научными успехами.

Об авторитете В. Кёппена как выдающегося ученого и человека в научных кругах Германии и за рубежом можно судить по количеству юбилейных изданий, подаренных ему в связи с круглыми датами (на 80-й, 85-й и 90-й дни рождения): два сборника сочинений Кёппена из «Хроник по гидрографии и морской метеорологии» и три тома его трудов из сборника «Сообщений по геофизике Герланда». Дань уважения памяти В. Кёппена отдана в некрологах, изданных в 1940 году. Их опубликовали Морская обсерватория – в «Хрониках по гидрографии», Р. Зюринг – в «Метеорологическом журнале», Г. Шотт – в «Сообщениях Герланда», Э. ван Эвердинген – в голландском журнале «Хемель эн Дампкринг». Подробное перечисление заслуг Кёппена опубликовал В. Мейнарду в «Географических сообщениях Петерманна».

Кёппен был простым, скромным и непритязательным человеком. Он не был публичной персоной и не любил выступать на официальных мероприятиях или принимать личные награды.

Каждого, кто знакомился с ним близко, он быстро располагал к себе любезным вниманием при ответах на все вопросы и постоянной готовностью к помощи. Его всестороннее образование и интересы, выходящие далеко за рамки специальности, объединяли его с людьми самых различных кругов. В этом ему помогала великолепная память, которая до самого преклонного возраста давала ему возможность держать в уме прочитанные ранее книги – не только

труды по его специальности, но и художественную литературу (его любимым произведением был «Фауст» Гёте).

В возрасте 85 лет Кёппен по просьбе своей семьи начал писать воспоминания. Он разобрал старые письма, записал памятные события, дополнив их фотографиями своих родителей, братьев и сестер, университетских преподавателей, коллег и друзей, и переплел все материалы в шесть томов. Первая часть настоящей биографии почти дословно была взята из этих мемуаров.

К сожалению, ученый занимался данной работой только до 1903 года. Он решил, что его дети могли бы продолжать эту хронику, поскольку они в сознательном возрасте присутствовали при основных событиях его жизни. Однако его жизнь – более, чем семейная история. Она отражает развитие метеорологии с 1868-го по 1940 год. Большая часть материала, собранного для продолжения биографии, пропала во время беспорядков в Граце в 1945 году, только часть переписки между В. Кёппеном и А. Вегенером с 1910-го по 1918 год случайно оказалась спасена.

Профессор Эрих Кульбродт из Гамбурга любезно согласился обработать научную часть биографии. Он работал вместе с Альфредом Вегенером в Германской морской обсерватории с 1920-го по 1924 год и поэтому знал Кёппена лично. В 1946 году в Гамбурге он произнес праздничную речь по случаю 100-летия моего отца и был хорошо знаком с тематикой его научных исследований. Большинство данных о трудах Кёппена, а также начало этого введения принадлежат его перу, я же только включила их в описание жизни моего отца.

Я постаралась раскрыть важные особенности его биографии, которые повлияли на моего отца как ученого и сделали его тем, кем он был для науки, семьи и друзей. Рассказ о его молодости занимает относительно большое место, так как происхождение, окружение и обстановка, безусловно, определили его будущую жизнь. По его рассказам об этом времени можно заметить, что уже в молодости была заложена основа его добросердечной, гармоничной натуры и творческого пути.

Эльза Вегенер-Кёппен

Часть первая

Из личных воспоминаний Кёппена о его жизни до 1903 года, записанных им собственноручно

Общие наблюдения восьмидесятипятилетнего

Если посмотреть на мою долгую жизнь, то, несмотря на трагическую потерю моих трех сыновей и склонность к меланхолии, которая пропала лишь в старости, я могу заключить, что прожил счастливо. Счастье проявилось в том, какие родители мне достались, и в выборе моей преданной спутницы жизни, хотя последнее, скорее, выбор судьбы; и хотя у нас не было серьезной озабоченности в деньгах – мы не бедствовали и богатыми не были, но некоторую обеспокоенность вызывал наш образ жизни, наши привычки. Я счастлив также прежде всего тем, что мне выдалась чудесная возможность посвятить себя любимому делу, а именно плодотворной научной работе, которой я занимался почти непрерывно с 20-летнего возраста. Без науки я бы впал в уныние, несмотря на то что судьба, да и родительский дом, наделили меня хорошим чувством юмора, которое очень помогало мне в жизни. С доброй завистью я воспринимал важность других людей, я имею в виду действительно важных лично для меня, в то же время со значительной степенью презрения я отношусь к мелочным и бездушным людям. С таким отношением к жизни я не стал по-настоящему чиновником, так как слишком сильно различал существенные вещи и несущественные. Я не стал и политиком, так как признаю и *altera pars*³!

К своему счастью я отношу и то, что уродился я совершенно заурядным: ни глупым, ни гениальным; ни охваченным страстями, ни холодным и бессердечным. По темпераменту я довольно бойкий, когда общаюсь в дружеской компании или нахожусь под впечатлениями или под влиянием каких бы то ни было мыслей, но зачастую я, скорее, спокойный и медлительный.

Определяющую роль в моей жизни сыграли постоянная тяга к познанию и научная деятельность, с предрасположенностью к критической оценке окружающей действительности, то есть с необходимостью везде докопаться до истины. В Бога сам я не верю, но всегда очень боюсь разрушить чью-либо веру. К счастью, отношение к церкви в нашей семье было довольно дружелюбным, но все-таки холодным, так что мне не потребовалось больших внутренних усилий, чтобы освободиться от религиозных догм, но, вопреки моим желаниям, некоторое старание я все-таки приложил. Когда я полностью избавился от навязанных в детстве постулатов веры, потерял этот мистический страх, лишь только тогда я стал относиться к христианству с должным уважением.

Мне посчастливилось пережить во времена моей молодости два совершенно головокружительных периода: время великих реформ в Российской империи в 1860–1864 годах и зарождение Германского рейха в 1867–1870 годах, которое я видел, находясь в пограничном Бадене, где этот процесс ощущался особенно остро.

Одним словом, мои воззрения изменились: юноша, романтик, жаждущий неограниченной свободы, и вдруг на него обрушивается жесткий контроль со стороны общества, впервые настигнувший его в России из-за менонитов⁴, – невыносимо; как мужчина и старик в последующем, однако, проявился как приверженец строгой организации и ограничения прав индивидуума Законом, более того, я воспринимал это как необходимость настолько, что даже определенную часть своей жизни посвятил всеобщей трудовой повинности.

³ Лат. – противоположная сторона.

⁴ Член протестантской секты.

Что касается моего отношения к морали, то оно схоже с тем, как описывает его Вундт: умеренный альтруизм и социальный эвдемонизм. Однако мне присущи гораздо более сильно выраженные альтруистические и эгоистические инстинкты, которые выработались в борьбе за существование, а также намного более высокая оценка внутренних качеств (как свобода, миролюбие, достоинство и т. д.), чем внешних. Как сострадание впитывается с молоком матери, так, по моему разумению, аналогично приходит и чувство справедливости, которое не терпит неравенства, а при утонченном складе ума еще и поможет оценить самого себя.

Потребность жить со своим окружением в мире и согласии стала для меня, за исключением мальчишеского и юношеского возраста, гораздо важнее, чем, например, быть правым в споре или рассказать правду не к месту. Говорить неправду я практически не умел, поэтому я без конца молчал, когда видел поступки или слышал слова, с которыми я не согласен, но до некоторого предела, пока я не чувствовал, что мое молчание начинает означать потакание происходящему, то есть ложь с моей стороны, – только тогда я прерывал безмолвие. Где этот предел – дело чувства. Одно из красивейших стихотворений, которые я знаю, принадлежит перу Теодора Шторма: «Моим сыновьям».

*Правды не скрывай ужасной
За раскаянья кулисы.
Не мечи ее напрасно перед свиньями, как бисер!
Пик цветенья гордых нравов —
Уважение и скромность. Но порой, как грозы в мае,
Нам нужна бесцеремонность.
<...>
В хоровод со всяким сбродом
Не иди к златым тельцам —
И на склоне лет поймешь ты:
Наилучший клад – ты сам!⁵*

Потеря самоуважения для меня всегда была худшим из всех зол, и это стало определяющим для моих моральных устоев. Но это лишь мои личные воззрения и требовательность к себе, я ни в коем случае не хочу утверждать, что у других людей должно быть так же. Перед самим собой мне хочется предстать порядочным и бескорыстным; от других я бы тоже хотел заслужить признания, но все-таки их мнение мне не так важно.

Мое неумение намеренно говорить неправду настолько глубоко засело, что я даже не умею толком что-то сочинить или нафантазировать, хотя мне очень нравится, как сочиняют поэты или, например, авантюристы. Зачастую я своими фантазийными, излишне эмоциональными выражениями или шуточными замечаниями задевал других людей, особенно свою жену. А вот во сне я всегда фантазирую, только всплывающие там образы почти никогда не бывают настоящими: места, лица, события – все вымышленное или, по крайней мере, искаженное. Я эйдетик, поскольку невольно вижу сны наяву, людей и события в которых могу тут же описать, при этом я прекрасно понимаю, что все, что в этих снах я вижу, – чистый вымысел. Конечно, я могу предположить, что при моей меньшей склонности к критической оценке действительности эти сны можно было бы развить до «ясновидения» и (немного подтасовав факты во времени) толковать их как предчувствия или провидение.

Я типичная сова – пик моей активности и продуктивности приходится на вечер. Меня очень утомляет утро, а именно присущая мне медлительность. Но есть и положительная сторона этой утренней размеренности, и заключается она в том, что я могу обдумать хорошенько

⁵ Theodor Storm. Für meine Söhne. Пер. А. Равикович.

те вещи, над которыми работаю, увидеть их другие, скрытые от меня ранее стороны благодаря тому, что мой разум освободился от впечатлений предыдущего дня и теперь ставит задачи под другим углом – и тут же находит решения, которые я уже воплощаю в жизнь в течение сегодняшнего дня.

Характерным для моей научной деятельности является то, что ее результаты (в отличие от результатов моего брата Теодора⁶) публиковались в основном в научных журналах (более чем в 360 статьях). В виде отдельных монографий были изданы труды исключительно по климатологии.

Я занимался всегда только теми вопросами, которые меня действительно беспокоили и не выходили из моей головы в определенные периоды времени, и я был очень доволен, что мне удавалось их довольно скоро решить, чтобы затем взяться за научную разработку следующих и следующих, потому что таких вопросов всегда было необъятное множество, и мне всегда было отрандно, когда кто-нибудь еще занимался их решением. Вдохновением для этих людей было чтение, а подчас и служебная обязанность. Раньше я совсем не понимал, почему студенты просят меня или своего научного руководителя дать им задание, ведь меня эти задачи буквально преследовали, мучили мое сознание беспрестанно, и я лишь был недостаточно усидчив, чтобы с ними всеми совладать. Сначала я знакомился с материалом поверхностно и очень бегло – грубыми методами составлял статистику, чтобы понять целесообразность всего этого дела, и если таковой не находилось, то я не тратил своего времени на дальнейшую разработку этого вопроса.

Мои исследования в метеорологии, географии и геологии четвертичного периода изложены в отраслевых научных журналах. Однако мои научные интересы не ограничивались этими направлениями.

⁶ Теодор Кёппен в русской номинации Фёдор Петрович Кёппен.

Мое происхождение и мое детство

О своих предках я мало что знаю, так как я был младшим из шестерых детей и так вышло, что своих бабушку и дедушку я и вовсе не видел. Дедушка моего отца был окружным врачом в городе Шведт-на-Одере⁷, а прадед моей матери, по фамилии Аделунг, был священником в коммуне Шпантеков в Померании⁸. Мой дедушка, Иоганн Фридрих Кёппен, был одним из врачей, выписанных из Германии по просьбе императрицы Екатерины II для организации здравоохранения в российской провинции. Так в 1786 году он переехал в Харьков и был назначен на должность губернского врача, где 19 февраля 1793 года родился мой отец, первый из девяти детей, Петер фон Кёппен (его отец получил вместе с должностью дворянский титул⁹ Российской империи). Когда мой дедушка ушел из жизни, а случилось это в 1808 году, то семье, я думаю, пришлось несладко. Так, Петер в свои 15 лет поступил на государственную службу, на должность помощника землемера. В 1810 году у него появилась возможность посещать Харьковский университет, и через четыре года ему была присуждена степень магистра правоведения. Затем он переехал в Петербург, где круг его общения расширился и он познакомился со многими образованными людьми того времени. Особенно доверительными сложились отношения Петра Кёппена с Фридрихом фон Аделунгом¹⁰, отличавшимся своей образованностью и человеколюбием. Эта дружба позволила ему в последующем лично познакомиться со многими представителями науки и литературы.

Аделунг был филологом и переехал в качестве гувернера герцогини Курляндской¹¹ в Митаву¹², а несколькими годами позднее перебрался в Петербург и был гувернером младших сыновей императора Павла. В 1830 году отец взял в жены из благородного дома Аделунгов мою замечательную маму, Александрину Аделунг. В 1825 году отец начал издавать журнал «Библиографические листы», который приумножил его славу. Из-за одной публикации, которая якобы противоречила уставу Греческой православной церкви, на него подали в суд, но в ходе процесса в церковном суде был вынесен оправдательный приговор. Ввиду этого неприятного случая мой отец захотел покинуть Петербург и отправился в Крым. Еще в 1819 году он успел познакомиться с южным побережьем полуострова и полюбить его, а теперь, найдя там подходящую работу в должности помощника инспектора по шелководству и виноградарству, решился окончательно. В 1830 году он перевез туда свою молодую жену. Начало брачного пути оказалось сложным, так как в Крыму свирепствовала холера и Кёппен на время эпидемии был назначен комендантом старинного татарского города Бахчисарай, куда с ним отправилась и его любящая отважная супруга. Это один из примеров, насколько разнообразным было использование на государственных должностях образованных и надежных мужчин в тогдашней России. Кёппен не жалел сил на решение любых стоящих перед ним задач, какую бы работу ему ни приходилось выполнять. В 1834 году он снова переехал в Петербург по вызову президента Академии наук. В 1837 году Пётр Кёппен был избран адъюнктом Императорской академии. В марте того же года правительство поручило ему важную миссию: провести ревизию всех областей и сельскохозяйственных земель Таврической губернии¹³

⁷ Современный Шведт.

⁸ Мекленбург – Передняя Померания.

⁹ Поясняется фамильная приставка фон.

¹⁰ Фёдор Павлович Аделунг в русской номинации.

¹¹ Доротёя Курляндская, Анна Шарлотта Доротёя фон Медем.

¹² Современное название Елгава (Латвия).

¹³ Таврида (историческое название полуострова Крым).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.